

Адепт Калиен уселась на место и окинула Аналитику внимательным взглядом.

Для немодифицированного глаза главный зал являл собой полутемную пещеру, в которой кропотливо трудились адепты, сгорбившись над темными пультами своих станций, в то время как сервиторы и прислужники сновали меж ними, исполняя поручения и обеспечивая необходимым. Посредине зала, словно угасающий очаг, светился главный концентратор. Слышался тихий, непрерывный фоновый гул силовых кабелей, кодовых разговоров, механических операций и писка данных.

При взгляде из ноосферы темная и скудная энергетика зала превращалась в великолепную панораму видимых блоков информации, мелькающих полос передач и дрейфующих многоцветных стаяк кода, что плавали вокруг каждого адепта, словно пестрые рифовые рыбы, мечась от одного оператора к другому, чтобы съесть или извергнуть яркие, как кораллы, пакеты информации. Гаптически направляемые потоки секретной информации носились туда-сюда, словно пучки зеленых трассеров, выгружаемые одним адептом и загружаемые другим. Местами потоки сливались в воздухе, создавая сложные матрицы данных, похожие на фрактальные рисунки — на сияющие кристаллы Мандельброта там, где алгоритмы программ сводили информационные потоки и сравнивали их. Иногда матрицы подпитывались потоками от трех и даже более усердных операторов.

Калиен нравилось наблюдать за ноосферой. Она читала ее очень хорошо даже по стандартам Внутренней Кузницы. Ее руководители уже разглядели в ней исключительные способности в дифференциации больших объемов данных и высококлассной работе с кодом и назначили Калиен аугментнику специалиста и перевод в наиболее утонченные дисциплины Логиса. Как и сестре-близнецу, Калиен судьбой было уготовано величие.

Магос Толемей попросил ее последить за Аналитикой в качестве личного одолжения. Из всех адептов, присланных из архивов, она была самым важным шпионом. Калиен поняла с самого начала, что такие, как Иган и Файст, ждали, что она и ей подобные будут действовать как шпионы, так что она искусно скрыла часть своих показателей умений и индексов способностей и специально избрала сварливую и раздражающую манеру поведения. Это сработало. Файст, излишне послушный долгу и лишенный воображения болван, уже отмахивался от нее — надоедливой, самонадеянной и не очень умной. Раз не удалось скрыть того факта, что она шпион, Калиен просто преподнесла себя как плохого шпиона.

Она наблюдала за постоянно меняющимся свечением ноосферы и чувствовала себя в ней гораздо увереннее. Для нее это было сияние жизни. Она вспомнила — очень ярко, — как впервые прошла модификацию для восприятия ноосферы. Теперь она жалела тех, кто не чувствовал ноосферу, и понимала, почему немодифицированные имперцы, как правило, относятся к Механикус с осторожностью и презрением. Для имперского гражданина сторонники Механикус были занудными, штекированными, бионически зависимыми уродцами, ноющими на своем странном кодовом языке, чье место в жизни определяют вживленные в тело технические устройства. Имперцам была недоступна более яркая, более обширная и более развернутая вселенная, которую делили меж собой Механикус. Их плотским мозгом была неподвластна — неподвластна вообще — вызывающая восторг, проливающая свет, избыливающая информацией среда, в которой Механикус жили, работали и учились.

Калиен прервала размышления. Отдельно от массы кодовой активности главной Аналитики и прилегающих подзалов в ноосферу стекались тысячи отдельных передач из районов боевых действий — непрерывный приток данных, постоянно обновляющийся и начинающийся заново. Одна крупница бегущих данных привлекла ее внимание.

Подавшись вперед, она воспользовалась ретрокогницией и перенесла ее к себе.

Лексал/Фиделис запись 22; «Доминатус Виктрикс» сообщает о прямом столкновении.

Других данных не было, хотя она умело произвела поиск по блокам и кодовым связям.

Калиен посмотрела по сторонам. Весь персонал сосредоточился на обработке заданий. Файста на месте не было. Он все еще где-то там, с унылой Лунос.

Если какая-то более подробная информация и существовала, то ее бы направили прямо в банки данных старших магосов. Станция Калиен не была приспособлена для ввода допусков такого уровня. Зашифрованные боевые данные спускали вниз только через верхние эшелоны.

Калиен произвела несколько таинственных манипуляций и запустила скрытые инструменты для подключений, которыми тайно снабдил ее Толемей. Они мало чем могли помочь с ограниченными рабочими инструментами ее станции, но Калиен вышла за ее пределы, упрятав свои действия в скрытый код. Файст оставил свою консоль незаблокированной. Калиен позволила себе влезть в его открытый рабочий стол и начала гаптически просеивать загрузочные буферы. Если бы она не беспокоилась так о своей сестре, то ей бы доставило огромное удовольствие удаленно и с такой легкостью покопаться на столе своего начальника.

Усилия ее не были вознаграждены. Станция Файста не обладала никакой дополнительной информацией, относящейся к «Доминатус Виктрикс». Калиен принялась гасить связи и замечать следы.

Одним из последних загруженных файлов на рабочем столе был архив, открытый в режиме чтения. Она собиралась уже пометить его как ждущий, когда поняла, что им пользуются. Файст просматривал файл с другой станции, одновременно выгружая его на свою консоль для дальнейшего изучения. След выгрузки вел к рабочей станции адепта Лунос.

«Чем ты там занят?» — подумала Калиен. Такой хороший шанс упускать было нельзя. Используя мощные тайные приспособления, которыми также снабдил ее Толемей, Калиен сделала скоростную копию файла и перенесла на свою станцию ловким гаптическим движением. Файст и понятия не будет иметь, что в его работе ковырялись и копировали информацию.

Калиен начала читать. Через шестьдесят секунд ей стало ясно, что Файст все-таки узнает о том, что его работу скопировали.

Он узнает, потому что она никак не могла оставить то, что читала, при себе.

>

— Полный ход! — взревел Тарсес. — Полный ход немедленно — или нам конец!

Кокпит тряхнуло. Зажегся еще один сигнал о повреждении, прозвучала тревога. Детектор попадания в захват целеуказателя мяукал, словно испуганный котенок.

<Кто командует этой машиной, модерати?> — спросил инфоговоркой Принцхорн.

— Я бы с интересом выслушал ваше мнение на этот счет, мой принцепс, — ответил Тарсес, — но сомневаюсь, что хоть один из нас доживет до этого.

<Полный ход!> — приказал Принцхорн.

— Курс, мой принцепс? — спросил рулевой.

Произошла секундная заминка. Еще два попадания всколыхнули передние левые щиты. Мусорный код ворвался на все каналы: дребезжащий, угрожающий, отвлекающий.

— Принцепс приказывает влево, влево и полное ускорение! — крикнул Тарсес, торопливо прерывая заминку. — Правильно, сэр?

<Э, я... Да. Влево, влево, полное>.

— Есть влево, влево, полное! — подтвердил рулевой.

«Доминатус Виктрикс» рассекла пыльную бурю и повернула влево, уходя за громаду подстанции энергосети. Мощные выстрелы, летящие вслед машине, ударились в толстую стену подстанции.

Они получили короткую передышку. Машина двигалась огромными грохочущими шагами по широкой вымощенной площадке позади подстанции. Тарсес искал врага на ауспике. Где он? Где он? Пошел за нами или вокруг комплекса подстанции навстречу?

Не переставая работать, Тарсес открыл личный канал с Принцхорном.

<Принцепс, я не собираюсь подрывать ваш авторитет и с готовностью и рвением буду исполнять ваши приказы, но эти приказы должны отдаваться быстро, иначе последствия неминуемы>.

<Не читай мне нотаций, Тарсес>.

<Дело модерати — следить, чтобы принцепс был осведомлен, обеспечен и способен выполнять задачу. Я делаю свое дело. Вам нужно начать действовать упреждающе и уверенно. Я понимаю, что для вас это чрезвычайное событие, первый опыт сражения...>

<Дело модерати — следить, чтобы принцепс был осведомлен, обеспечен и способен выполнять задачу. Я делаю свое дело. Вам нужно начать действовать упреждающе и уверенно. Я понимаю, что для вас это чрезвычайное событие, первый опыт сражения...>

<Мой результат...> — прервал с рычанием Принцхорн.

<Условных. Я знаю, мой принцепс. Все было условно до настоящего момента. Позвольте мне помочь вам. Пожалуйста, позвольте мне помочь вам>.

Меж ними повисло молчание.

<Мой принцепс?>

<Найди мне эту махину, Тарсес>.

<С радостью, мой принцепс>.

«Доминатус Виктрикс» шагала через комплекс энергоподстанции, напрямик между рядом блокгаузов и двумя высокими мачтами, которые раскачивались на ветру, словно тростинки. В ревущем воздухе висела густая дисперсная завеса, мощные заряды статического электричества накапливались на любой открытой металлической поверхности. Небольшие завитки ярко-голубого света вились вокруг вокс-мачт, словно черви.

К полной для них неожиданности, от врага, охотящегося за ними, не было ни следа, ни даже клочка мусорного кода.

<Вперед на двадцати, малый ход!> — выдал через аугмиттеры Принцхорн.

— Есть вперед на двадцати, малый! — отозвался рулевой.

Тарсес и Кальдер наблюдали в оптику. Напряжение в спертом воздухе кокпита можно было трогать руками. Единственными словами, которыми обменивался экипаж, были летавшие туда-сюда стандартные команды. Их окружали звуки движущейся махины: громохание механизмов, рокот реактора, звон и писк приборов, скрип металла и равномерное «удар-толчок» малого хода.

Затем щиты начали петь.

— Это еще что такое? — вздрогнула нервно Фейрика.

— Щиты сильно дерет, фамулюс, — ответил Кальдер.

— Что это значит? — огрызнулась та.

Пока они выходили из доводочных башен, Тарсес понял, что фамулюсу Фейрике не нравится, когда бывалый экипаж использует махинный жаргон. Видимо, ей казалось, что ее исключают из какого-то клуба для экипажей махин по причине пола и возраста.

— Это значит, что мы находимся в сухой, высокоэлектризующейся среде, — объяснил модерати. — Она заряжает пыль на ауре щитов и заставляет ее визжать.

Шум действительно был устрашающий. Он звучал так, словно неисчислимые проклятые души облепили корпус машины и стонали о своей судьбе, одновременно царапая обшивку холодными, окоченелыми пальцами, чтобы потихоньку пробраться внутрь.

— Всегда дурной знак, когда щиты так поют, правда, модерати? — зловеще прошептал Кальдер, подмигивая Тарсесу.

— Прекрати, — сказал тот.

Кальдер осклабился и пожал плечами. Дразнить Фейрику было слишком просто.

Они прошли немного дальше. И хотя все знали рациональное объяснение жутким звукам, те уже начали действовать на нервы. Станные вопли, трели, визг и бормотание доносились приглушенно сквозь броню корпуса, чуждые вопли, длинные хриплые стоны, боязливый шепот, звучавшие сверхъестественно похожими на голоса.

Тарсес продолжал наблюдать в оптику, отмечая, как мастерски Кальдер подстраивает верньеры, держа сигнал ровным и чистым. «Хороший экипаж, — думал он. — Хороший экипаж, не считая одного слабого звена».

<Если щиты врага подняты, не должны ли они также петь?> — тихо спросил Принцхорн.

Тарсес повернулся в кресле. Плавающий в своем амниотическом резервуаре Принцхорн смотрел прямо на него.

— Сэр?

<Если враг использует щиты, модерати, наверняка они издают такой же звук, как наши?>

Тарсес медленно склонил голову в знак уважения. Удивительно пронизательное замечание, и настолько логичное, что сам Тарсес упустил эту мысль.

— Превосходное наблюдение, мой принцепс, — ответил он. — С вашего разрешения?

Полуулыбка мелькнула по лицу Принцхорна, и несколько пузырьков вырвалось из угла рта в густую жидкость.

<На ваше усмотрение, модерати>.

Тарсес повернулся обратно к пультам.

— Рулевой?

— Здесь, модерати!

— Вперед на десяти, затем стоп машина и снизить энергию до минимального холостого хода. Сенсори?

— Здесь, модерати!

— Будьте готовы начать круговой поиск локатором только в акустическом диапазоне.

— Есть! — ответил Кальдер, перекидывая ряды переключателей и пересоединяя несколько коннекторов.

— Орудийный сервитор шесть?

Сервитор из верхней правой части панциря завозился в своей паутине проводов и отозвался бинарным кудахтаньем.

— Открыть ракетный контейнер, зарядить и активировать четыре бронебойные боеголовки, закодировать на тепловой режим и ждать данных расчета цели.

<100101001 1100101 1000101>.

— Благодарю, шестой. Приготовиться к сбросу щитов.

— К сбросу щитов? — уточнил Анил, вцепившийся в рулевые рычаги. — Вы с ума сошли?

— Мой принцепс? — обратился Тарсес.

<Разрешаю сброс щитов по сигналу модерати>, — прокантировал Принцхорн.

— Благодарю вас, сэр, — отозвался Тарсес. — Приготовиться!

— Машина стоп! — доложил Анил. Его руки в перчатках порхали над водительским пультом, перебрасывая переключатели и дергая рукоятки. — Энергия в системах переключена на холостой ход.

— Отключить вокс, — приказал Тарсес. — Тишина экипажу! Сброс щитов на три, два, один...

Он деактивировал щиты. Жуткое царапанье и пение исчезли. Стало слышно, как шуршит ветер вокруг и песок, им несомый, мягко трется по обнажившейся обшивке.

— Сенсори, начинайте поиск.

— Слушаюсь, модерати.

Кальдер включил поиск. Аурофоны закрутились на триста шестьдесят градусов в своих редукторных гнездах на мощном кожухе махины, вспомогательные комплекты микрофонов завертелись на броне подбородка и толстых керамитовых манжетах орудийных конечностей.

На втором проходе они поймали отклик.

— Засек, модерати! — объявил Кальдер, напряженно вслушиваясь в наушники. — Один и один километра на юго-юго-восток. Триангуляция дает местоположение цели рядом с охлаждающими башнями позади энергоподстанции.

— Воспроизведи, — запросил Тарсес.

Кальдер перекинул звуковой всплеск на громкую связь. Пятисекундный искаженный шум щитов.

Тарсес кивнул:

— Сделай по нему расчет поражения цели.

Кальдер уже все подготовил:

— На вашем правом ретрансляторе, модерати.

Тарсес отправил расчет шестому орудийному сервитору.

Тот с жадностью принял данные. Зафыркал кодом. Экипаж кокпита услышал, как ракетный магазин загудел и залязгал, отправляя реактивные снаряды в контейнер.

— Вы согласны, мой принцепс? — спросил Тарсес.

<Согласен>.

— Сенсори?

Кальдер поднял руку:

— Дайте я пройду еще раз. Это щиты поют, но не хотелось бы, чтобы это оказался «Тантамаунт Страйдекс»!

<Правильная предосторожность, сенсори Кальдер>, — прокантировал Принцхорн.

Кальдер кивнул. Он поднастроил приборы и вслушался. Процесс занял, казалось, излишне долгое время.

— Это не «Страйдекс», — наконец объявил он. — Характеристики довольно сильно отличаются.

— Приготовиться, — приказал Тарсес. — Как только выпустим ракеты, щиты поднять и двигаться вперед на пятидесяти полным ходом. Всему экипажу принять к сведению: мы можем ранить врага, но, вероятнее всего, не убьем. Как только мы выступим, быть готовыми к дуэли. Зарядить все орудия.

Все орудийные сервиторы живо откликнулись.

— Приготовиться перенаправить всю доступную и нераспределенную энергию в передние щиты.

— Есть!

— Мы готовы. Ждем вашей команды, мой принцепс, — произнес Тарсес.

<Команда дана>.

— Пуск! — приказал Тарсес.

«Доминатус Виктрикс» слегка шатало, пока выстреливали четыре боеголовки — одна за другой — в пыльную бурю. Экипаж следил через манифольд, как стремительные, закручивающиеся спиралями тепловые следы тянутся прочь.

— Ракеты вышли! Поднять щиты! — крикнул Тарсес. — Вперед, полный ход!

— Есть полный ход!

— Щиты подняты!

Они снова шагали; щиты протестующе свистели. Казалось, прошла вечность, прежде чем ракеты достигли цели.

Тарсес наблюдал через оптику. Он увидел серию из четырех резких вспышек — шквалов жара, которые на рассеченной черноте манифольда отметились горячими розовыми цветками.

— Попадание, попадание! — крикнул он. — Четыре прямых поражения цели!

— Идем полным ходом, — отметил рулевой.

<Каково состояние цели, сенсоры?> — запросил Принцхорн.

— Все еще стоит, мой принцепс, — ответил Кальдер, — но я регистрирую снижение уровня шума щитов. Полагаю, что мы нанесли ущерб.

<Превосходно! Подойти к ней спереди и...>

<Превосходно! Подойти к ней спереди и...>

— Мой принцепс, — завопил Кальдер, — цель запустила двигатели и движется нам навстречу!

— Дайте четкую картинку! — приказал Тарсес.

Подавшись вперед в кресле, он взгляделся в панораму манифольда, пытаясь отделить голые, четкие факты от искажений пыльной бури. Кальдер искусно очистил ему картинку, и Тарсес внезапно различил вражескую махину, идущую на них полным ходом. Всплески ее жуткого

демонического кода начали вторгаться в акустические системы и вокс. Тарсес увидел водоворот стягивающейся энергии, который вражеская машина тащила за собой, словно рваную мантию.

Ее щиты вышли из строя и рассыпались в клочья.

Вражеская машина начала стрелять. Снаряды мегаболтера проносились по воздуху вокруг них, словно пылающий град, ударяясь в щиты, в землю, в энергоподстанцию, в пустынную ночь. Перебили одну из раскачивающихся на ветру вокс-мачт в пятнадцати метрах от макушки. Мачта сложилась пополам в ливне статических разрядов и искр.

— Щиты противника разрушены, мой принцепс, — доложил Тарсес.

<Деструктор>, — коротко отозвался Принцхорн.

— Мощность на деструктор! — крикнул Тарсес. Резервуары плазмы резко наполнились. — Прицел!

Гололитическое перекрестье прицела всплыло перед глазами. Тарсес взялся за плавающее управление артсистемой, сделал поправку на ветер и дистанцию и свел перекрестье на почерневшем звере, энергично пробивающемся сквозь пыльную бурю навстречу.

<Если стрелять, то сейчас, модерати>, — поторопил Принцхорн.

— Подпустим поближе, — хладнокровно отозвался Тарсес.

<И как близко?> — тревожно спросил Принцхорн.

— Просто поближе.

<Модерати Тарсес, насколько близко вы намерены ее подпустить?>

— Убийственно близко, сэр, — ответил Тарсес.

Перекрестье билось артериально-багровым, пульсируя, словно испуганное сердце.

— Выстрел! — произнес Тарсес и послал мысленный сигнал артсистеме.

Массивный деструктор открыл огонь. Первые два обжигающих выстрела размазались по обшивке торса неприятельской машины с такой силой, что вынудили ее с содроганием остановиться. Обшивка засветилась, словно неоновая язва, и сверхперегретые хлопья

сколотого керами́та полетели в стороны, будто горящие листья.

Третий выстрел выпотрошил ее. Корпус махины выше бедер взорвался ослепительной звездой синеватого пламени. Грудной каркас не выдержал, и всю верхнюю часть — панцирь, оружейные конечности, кокпит — снесло с поясного крепления шасси. Она рухнула назад с таким сокрушительным ударом, что его почувствовал даже экипаж «Виктрикс» через динамическую гидравлику.

Ноги махины остались стоять, застывшие и тлеющие. Огонь быстро охватывал рухнувшие обломки.

— Махина убита! — объявил Тарсес.

<Я нахожу это удовлетворительным> — согласился Принцхорн.

Тарсес оторвался от своего пульта, широкая улыбка начала расползаться по его лицу. Он стукнулся кулаками с радостными Анилом и Кальдером.

Пламя принялось облизывать боеприпасы павшей махины. Те начали лопаться, вспыхивать и выстреливать фонтанами искр, словно плохо устроенный фейерверк. Тарсес дал знак Анилу, и рулевой отвел «Доминатус Виктрикс» на безопасное расстояние.

Модерати развернулся в кресле и перевел взгляд на раку. Принцхорн кивнул ему в ответ. Глаза его сияли.

— Мой принцепс, — улыбнулся Тарсес.

<Мой модерати>, — откликнулся Принцхорн.

>

Эрик Варко проснулся где-то у черта на куличках. На миллион километров вокруг не было ничего. Стоял холод, и неторопливому рассвету не хватало сил согреть землю.

Все болело. Варко лежал в песчаной яме, скрючившись в спальном мешке, с подветренной стороны «Кентавра». Ночью разразилась буря, очень сильная. Она пришла с юга, из далекой Астроблемы, и, достигнув Западной Проспекции, уже растеряла большую часть своей ярости. Но все равно в носу стояла вонь графита, а в утреннем воздухе висела пыль.

Они двигались на запад от поста СПО, гоня «Кентавр» по кустарнику и наносным дюнам, и не останавливались до самой ночи. Затем, когда налетела буря, закопались под брезент, чтобы переждать непогоду.

Запад казался совершенно ошибочным направлением. Это шло вразрез с интуицией. Все, что им было нужно, — субульи, рабочие поселения, Принципал — все осталось на востоке сзади. Но боевые сервиторы у поста и, еще раньше, войска скитариев в обогатительном поясе убедительно доказали, что восток означает смерть. Они были отрезаны вторгшимися войсками. У них не было иного выбора, кроме как уходить в кустарники, болота и пустынные дороги за зоной ульев. Обширная территория, известная как Западная проспекция, лежала перед ними — мир тупых скал, кальдер, болотистых долин и скальных хребтов, где одинокие старательские базы и металлургические лагеря прятались в промозглых ущельях меж унылых холмов, с трудом зарабатывая на жизнь разработкой минеральных месторождений и полудрагоценных залежей.

Западная проспекция среди большинства цивилизованных ульевиков слыла местом, над которым не властвовал закон, страной бандитов. В Оресте Принципал и Аргентуме ее чаще называли Мертвыми землями. Как и пограничные районы окаймляющих северный край Астроблемы вассальных городов, Западная проспекция стала прибежищем для мигрантов, бродяг, туземных кочевых племен, беглых преступников и любого, кто упал, соскользнул, спрыгнул сам или был вытолкнут за край имперского общества.

В прошедшие годы Варко побывал и в Проспекции, и в Астроблеме на учениях Гордой бронетанковой. Суровые пустоши обоих регионов идеально подходили для маневров бронетехники и боевых стрельб. По его опыту, лишь одна характерная черта отличала регионы друг от друга. Оба были дикой страной за пределами зоны ульев, но там, где Астроблема обладала грубой красотой, которую стоило увидеть, романтическим зрелищем скульптурных розовых утесов и красновато-коричневых песков, бледно-голубого неба днем и бесконечных россыпей звезд ночью, Западная проспекция была пыльной, мрачной, серой пустошью. Земля истощилась за тысячи лет существования в климатической и электромагнитной тени огромных ульев; ее выработали первопроходцы Механикус, первыми опустившиеся на Орест. Многие долины являлись остатками старых карьеров, многие холмы были кучами выхолощенного шлака или каменных обломков, вынутых огромными копателями недродобывающих и терраформирующих машин предыдущей эпохи. Ржавые остовы этих старинных гигантов все еще можно было встретить в Проспекции, словно ископаемые останки доисторических чудовищ, механические трупы размером со звездолет, полужарывшиеся в дно созданных человеком каньонов. Варко несколько лет назад потратил полдня, делая пробные выстрелы в одного из них из главного орудия «Главной стервы» и втихомолку восхищаясь его размерами. Подобные чудовища разграбили и разорили Западную Проспекцию ради строительства ульев.

В Западную проспекцию они и шли. Других вариантов не осталось.

Кроме того, он посоветовался с Омниссией. Куда бы он ни поворачивался — на север или на юг, — каждый раз он засовывал руки в карманы, и медальон находился в том, что было ближе к западу. Он даже, когда не видели остальные, нарисовал грубый крест компаса на земле и подбросил над ним медальон. Тот упал точно на кончик западной стрелки. Нечто, может быть, сам машинный дух «Главной стервы», четко направляло его. А кто он такой, чтобы спорить?

Варко встал и потянулся, разминая застывшие члены в свете зарождающегося дня. Леопальд дежурил последним, но уснул над стаббером в кресле «Кентавра». Варко встряхнул его.

— Виноват, виноват, сэр, — забормотал Леопальд, всплывая из сна. — Я не хотел...

— Чтоб больше не повторялось, — улыбнулся Варко. — Пошли достанем пару пайков и раздадим на всех.

— Есть, сэр, — отозвался Леопальд.

Графитовые остатки бури висели вокруг, словно занавес, делая свет мягче. Место было почти невыносимо безмолвным. Потягивая ноги, Варко увидел Кодера, который стоял в сотне метров от «Кентавра», запрокинув голову и разведя руки в стороны, словно призывая какое-то божество. Технопровидец медленно поворачивался вокруг своей оси.

Подойдя к нему, Варко увидел, что Кодер раскрыл и выпустил небольшие лепестки рецепторов из кожи вокруг глотки, на подбородке и за ушами. Они напомнили ему пугающие воротники шипящих пустынных ящериц.

Кодер, заметив приближение капитана, тут же сложил лепестки.

— Продолжай, — сказал Варко.

Лепестки были солнечными рецепторами: Кодер пытался подзарядить внутренний источник энергии. Он с сомнением глянул на капитана.

— Немодифицированные часто находят подобную демонстрацию аугментики пугающей, сэр.

— Я, может быть, и немодифицированный, Кодер, — ответил Варко, — но я служитель Механикус. Продолжай. Ты нужен мне здоровым и бодрым.

— Спасибо, — поблагодарил Кодер. Послышался звук, похожий на звук раскрывшегося бумажного веера, — он снова раскрыл свои солнечные батареи и тут же заметил: — Все равно бесполезно. Тут так мало света. Пыль, понимаете?

Варко кивнул.

— Размышление: мы собираемся умереть здесь, капитан?

— Надеюсь, что нет, Кодер, — ответил Варко.

— Вы уверены?

Варко улыбнулся и покачал головой.

— Конечно нет. Но мы пока еще живы, разве нет?

— Предположение: если бы я был в настроении, то смог бы оспорить столько логических несостыковок в вашем заявлении.

— Но ты не в настроении?

— Я измотан, капитан.

— Я тоже.

Они съели каждый свою часть пайка, расположившись внутри и вокруг «Кентавра». Слабенькое солнце начало пробивать дыры в пылевом занавесе; с запада поднимался ветерок.

— Куда двинем? — спросил Гектон, выскабливая одноразовый лоток из-под пайка картонной вилкой.

— Дальше, — ответил Варко.

— А зачем, прошу прощения, капитан? — спросил Саген.

Варко пожал плечами и глотнул воды из фляжки.

— Без понятия. Все уже решено за нас. Если повернем обратно — умрем, так что тут я бы сказал: нет. Дело не в том, что мы будем делать. Дело в том, чего мы делать не будем. Мы не будем умирать, если это будет в моих силах. Однако все вы должны знать, что я считаю наше участие в войне законченным. Теперь наша единственная забота — выживание.

Эта мысль никому не понравилась.

— Звучит, словно мы сдаемся, Эрик, — сказал Гектон.

— Я знаю.

— И ты согласен с этим жить, да?

— А что ты предлагаешь, Грэм? — спросил Варко, съезжая с подножки «Кентавра» и комкая пустой лоток из-под пайка.

Грэм Гектон пожал плечами:

— Отправиться обратно к Аргентуму? Может, встретимся с СПО или силами Гордой и встанем в их ряды.

Грэм Гектон всегда был человеком отважным.

— Кто еще готов на это? — спросил Варко. Все принялись отводить глаза. — Значит, двигаем дальше на запад, — подытожил Варко.

Он подумывал рассказать им про медальон, но не хотел давать повода сомневаться в здравости своего рассудка. Вера в духов машин — это одно, и никто не сомневался в них, потому что это было рационально. Но подбрасывать медальон над перекрестьем компаса, нарисованного на земле, чтобы узнать свою судьбу, — это отдавало какими-то суевериями кочевых племен или еще чем похуже. Варко решил держаться темы выживания, чтобы его слова звучали здраво.

— Мы уходим в Проспекцию, пока тягач нас везет. Через несколько дней — неделя-две, возможно, зависит от того, как пойдет война, — может быть, мы сможем вернуться в ульи. Все мы бывалые и опытные танковые экипажи — мы ценный товар. Будем беречь себя в целостности и сохранности до тех пор, пока не вернемся туда, где сможем найти себе хорошее применение.

— То есть... до тех пор не дадим себя поубивать. Ты это имел в виду? — спросил Гектон.

— Точняк, давайте не будем этого делать, — сказал Траск.

Леопальд и Саген фыркнули.

— Все с этим согласны? — спросил Варко. — Кодер?

Технопровидец выглядел бледным и изможденным. Он едва дотронулся до своего пайка.

— Вы ждете, что я возражу, капитан? — спросил он.

— Я подумал, что ты тот, кто может не согласиться, — сказал Варко. — Нет там в тебе никаких пламенных порывов вернуться обратно и драться за Кузницу?

Кодер передернул плечами.

— Капитан Варко, во мне не осталось никаких пламенных порывов вообще.

Варко перехватил взгляд Гектона. Тот печально покачал головой. Кодер умирал. Он истратил слишком много энергии. Все это понимали, но никто не говорил вслух.

— Значит, в Проспекцию, — заключил Варко.

«Кентавр» вспахивал землю, двигаясь на северо-запад. День был таким же унылым и пустым, как ландшафт вокруг. Солнце нервно показало свой лик. Небеса были серыми, и казалось, что кто-то отчистил их песком, перед тем как красить заново.

Цепляясь за поручни, чтобы не вывалиться от тряски и рывков идущего на полном ходу и подпрыгивающего тягача, Варко выбрался в задний отсек и уселся рядом с Кодером. Тот смотрел в тусклое небо.

— Ты как, лучше?

— Немного, капитан.

— Смотри не помри у меня, Кодер.

Технопровидец взглянул на Варко.

— Сделаю что в моих силах, капитан.

— Мы можем тебе чем-нибудь помочь?

Кодер пожал плечами.

— Ты потратил слишком много энергии на тот ауспик, Кодер, — тихо сказал Варко. — Сам положил голову на плаху.

— Я сделал то, что должен был сделать, — возразил Кодер.

— Что сейчас ты должен сделать — это остаться в живых. Это приказ.

— Слушаюсь, сэр.

«Кентавр» подсакивал и взбрыкивал на пересеченной местности. Саген вел его словно основной боевой танк, получая кайф от мощи и скорости. Несколько раз им пришлось цепляться изо всех сил, когда при переезде через глубокие рытвины их начало подбрасывать вверх.

Кодер протянул руку, и Варко взял ее, удивленный проявлением такой близости.

— Что такое?

— Что-то не так с небом, — сказал Кодер.

— Что-то не так? Что именно?

Кодер помотал головой:

— Не знаю. Оно какое-то пустое. Недостигаемое.

— Я не понимаю.

Кодер пожал плечами:

— Я некоторое время пытался его почувствовать. Думал, что это последствия усталости, но нет. Словно что-то закрыло небо от нас, капитан.

— Ты можешь мне объяснить?

— Как только сам пойму.

Варко кивнул.

— Эй, капитан! — крикнул от руля Саген. — Вижу пыль!

Стена пыли вздымалась на горизонте, будто дымовая завеса. Что-то крупное надвигалось на них с запада.

По команде Варко Саген завел «Кентавр» в небольшую гряду холмов — остаточные склоны древних терриконов. Там и окопались, спрятавшись за линией гряды, затем все забрались наверх и залегли. Широкая долина кустарников — утесника и колючей фиги — лежала перед ними. Несколько взъерошенных деревцев перечного боярышника дрожали на порывистом ветру.

— Не вижу, что... — начал Траск.

— Замолкни и жди, — велел Гектон.

Они таились уже десять минут. Пыльный шлак под ними нагревало солнце. Варко чувствовал свой запах и запах товарищей, тесно сжавшихся рядом. Это был запах не просто грязи и

немытых тел. Это был неприятный приторный запах, сладковатый, как от гнили, — воспоминания о днях зашкаливающего адреналина, едкого страха и отвратной еды, выходившие с потом.

«Вот так будут пахнуть наши трупы», — подумал Варко. Кодер пах по-другому. Технопровидец пах горелым пластиком и жженой керамикой.

Каждый смотрел на завесу пыли, приближающуюся с запада.

— Что это? Еще одна буря? — спросил Саген.

Варко помотал головой. Камешки на осыпи вокруг начали скатываться вниз. Земля дрожала.

Открылась картина массового бегства.

Через мгновение они поняли, что перед ними. Варко услышал, как некоторые из его сборного отряда неверяще ахнули. Он бы и сам ахнул.

Река туземцев мчалась мимо в долине внизу, катясь с запада широким бурным потоком, словно плохо организованная кавалерийская лавина. Верховые и ездоки появились первыми, несясь впереди основного потока на однопрыгах, мотоциклах, монотраках и испуганных ездовых животных. Сквозь пыль мимо Варко мелькали скачущие галопом гиппины, скачущие дакумаку, тощие струтиды и паршивые седловые кошки. Караваны краулеров и жилых тягачей, повозок, фургонов, механоупряжек и шагоходов во множестве следовали за ними. Невообразимая миграция вассальных душ текла из Западной проспекции.

Их здесь были тысячи: шахтеры на ревуших тягачах; охотники за драгоценными камнями на низких грузовиках; тяжелые проспекторские поезда, старающиеся держать быстрый ход; жилые краулеры с незавязанными пылевыми экранами из ткани, хлопающими на ветру; туземные повозки, телеги, коляски; кланы, едущие, разделившись на семейные группы; тупоумные «твисты», тянущие жилые домики на полозьях; жители диких земель; аутсайдеры; проспекторские изгои на старых, лязгающих механических шагателях; мотоциклисты, выбрасывающие позади черные струи выхлопных газов; столбильщики на восьмиколесных машинах; собиратели самородков на большегусеничных грузовиках; изыскатели минералов на универсалах.

Они вздымали за собой огромный пылевой след. Это было похоже на бешеную гонку за земельными участками или золотую лихорадку.

«Нет, — подумал Варко, — они бегут. Это не золотая лихорадка, это испуганное бегство».

— Что они делают? — спросил взволнованный Траск. — Какого фрига они?..

— Заткнись! — рявкнул Гектон.

— Что они делают? — спросил взволнованный Траск. — Какого фрига они?..

— Заткнись! — рявкнул Гектон.

— Не высовываться. Соблюдать тишину! — приказал Варко.

— Тишину? — ответил Гектон. — Среди этого гвалта?

Кодер пробубнил что-то.

— Кодер, ты что сказал? — прошипел Варко.

Техножрец перекатился на спину.

— Небо... Небо по... — сказал он, еле открывая рот. Голос у него был хриплым и слабым.

— Что — небо? — заторопил Варко. — Кодер? Что с небом?

— Небо погасло, — сказал Кодер. Глаза его закатились, остались только белки и следы модификаций. У него начались конвульсии, руки и ноги задергались.

— Черт! — охнул Варко. — Держи его крепче, Грэм. Держи его крепче!

Он оторвал обшлаг рукава и запихнул Кодеру промеж сжатых зубов. Из-под кривящихся губ технопровидца показалась кровь. Гектон с Леопальдом пытались удержать бьющееся в припадке тело.

— Святой Омниссия! — запинаящимся голосом произнес Саген.

Внизу, в долине, появилась причина испуганной гонки.

Густой поток туземцев внизу под ними еще не иссяк. Сейчас проходили более тяжелые части: крупные мобильные усадьбы; мобильные шахтные буры, топающие рядом на черепаших лапах; фургоны на полозьях за упряжками гроков; вереницы привязанных гиппин, ревущих сзади фургонов; громадные измельчители минералов, лязгающие тяжелыми гусеницами; гусеничные бульдозеры и камнедробилки, изрыгающие копоть из торчащих вверх труб. Другие убегали по воздуху: наблюдательные парaplаны, натужно рубящие изношенными винтами воздух; потрепанные орнитоптеры, колотящие растресканными крыльями, словно неоперившиеся птицы; смотровые платформы на гравитационной тяге и странные, хлещущие

воздух лифт-багги, идущие низко над самой кавалькадой; стайки жужжащих кибердронов и темные рудоискатели, кружащие поверху, словно стервятники. А за ними... а за ними...

Три вражеских «Боевых пса», черные как сама ночь, выскочили из-за горизонта на западе. Они шли полным ходом, круша самых медлительных. Троица «Псов войны» по-птичьи насканивала на хвост убегающей массы туземцев, паля во все стороны и давя ногами отставших. Варко побледнел. «Псы войны» гнали толпу, словно стадо скота, заворачивая их, погоняя, сбивая в кучу и уничтожая.

Не останавливаясь, «Псы войны» стреляли и время от времени выпускали ракеты. Лазерные выстрелы рвали задние эшелоны кавалькады, рассекая на куски машины и тела. Грязные фонтаны земли и огня с глухим грохотом взлетали над рядами бегущих, подбрасывая в иссушенный воздух изуродованные корпуса машин, колеса и траки гусениц и раскидывая их в стороны. Варко увидел, как от прямого попадания взорвался восьмиколесник, одна из его тяжелых осей со все еще вращающимся колесом вылетела из взрыва и рубанула, словно алебардой, мчащийся на полном ходу лоурайдер, из-за чего тот покатился кувырком и разлетелся на мелкие куски. Случайный выплеск мегаболтерного огня подсек правые лапы тяжелой буровой установки, и та перевернулась, смяв под своей ржавой, прокопченной громадой два жилых краулера. Пролетевшая с визгом ракета врезалась в середину измельчителя минералов, превратив его монументальную железную конструкцию в вулкан огня и свистящих обломков. Три орнитоптера, попавшие в разбухающий шар огня, свалились с неба, словно горящие мотыльки.

— Надо убираться отсюда, — настойчиво произнес Леопальд.

— Лежи тихо и жди, — приказал Гектон.

— Чего ждать, сэр?

— Они пройдут мимо, — сказал Варко. — Они пройдут мимо нас.

Он глянул на Кодера. Техножрец мертво застыл. Сквозь обрывок ткани, зажатый в зубах, сочилась кровь. Варко сжал в кармане медальон.

Вжав головы, они лежали не двигаясь и ждали. Земля тряслась все тише и тише, оглушительный рев бегства и разрушения удалялся.

Варко выглянул вниз через гребень. Воздух был густо забит медленно оседающей пылью. Долина представляла собой раскатанные руины. Вся растительность вытоптана и переломана. Десятки горящих остовов и сотни изломанных тел усеивали дно долины.

Глянув на восток, он увидел уходящее пылевое облако, отмечающее продвижение массового исхода. Высоченные шагающие силуэты «Псов войны», догоняющих задние ряды, были едва различимы. Варко видел далекие вспышки и мерцание их орудий.

— Теперь двигаем, — сказал он Гектону.

— В какую сторону? — ответил тот.

— На запад.

— Опять?

— Если только ты не хочешь догнать этих, — ответил Варко, — то будем держаться плана.

— Жуткое количество народу только что продемонстрировало свое горячее желание убраться к черту с запада, — сказал Гектон.

— Трона ради, Грэм, да знаю я. У тебя есть идеи получше?

Гектон пожал плечами.

— Ладно. Приготовить «Кентавр» к отъезду!

Саген и Траск отправились к тягачу. Гектон по-прежнему не сводил глаз с Варко.

— Что ты хочешь мне сказать, Грэм? — спросил Варко. — Куда мы ни повернем — везде будет опасно. Я по-прежнему считаю, что пустоши Проспекции — наш лучший шанс исчезнуть.

— Что имел в виду Кодер? — спросил Леопальд.

— Что?

— Что имел в виду Кодер, когда сказал, что небо погасло? — Стрелок Гектона с сомнением глядел на безвольное тело техножреца.

— Я не знаю, — ответил Варко.

— Он бредил, — сказал Гектон.

— Засуньте его в кузов и гляньте, как можно устроить поудобнее, — велел им Варко.

Гектон и Леопальд перебрались к Кодеру.

— Ты куда собрался, Эрик? — спросил Гектон.

— Вернусь через минуту.

— Куда ты собрался?

— Заметил там кое-что.

Варко скользнул по высохшему шламу вниз по склону в клубящуюся пыль долины. Горячий, обжигающий дым вздымался вокруг от разнокалиберных обломков, и Варко пришлось прижать к лицу платок. Большая часть остовов представляла собой лишь спутанные клубки металла. Разлитые масло и смазка пропитали сухую землю. Он старался не рассматривать слишком близко мертвых. Большинство тел, выброшенных из взорвавшихся машин и зачастую лишенных одежды силой взрыва, были растоптаны и раздавлены остальными бегущими, словно в акте последнего унижения. Местами тяжелые лапы скачущих «Псов войны» вмяли кости, плоть и метал глубоко в землю. В этих отпечатках таился настоящий ужас. Полосы крови и масла — блестящие, словно зеркало, — медленно мутнели от оседающей пыли.

Варко с трудом пробрался мимо дома-прицепа, лежащего на боку, горящего грузовика на больших гусеницах, умышленно втоптанного в землю ногой гиганта, и двух даку-маку, выпотрошенных лазерным огнем, мертвых, как и их залитые кровью всадники. Он миновал разбитый кибердрон, который больше никогда не поднимется в воздух. Тот уставился на него разбитой оптикой и защелкал немой ртом.

Варко взяла жалость. Он опустился на колено, повозился, ища соединение ЦП дрона, и выдернул его. Свет в разбитых глазах померк.

Варко поднялся и вытер рот платком. Еще с вершины холма он заметил здесь какое-то движение.

Он ушел недалеко, пройдя мимо пылающего погребального костра буровой установки. За ней валялся разбитый и перевернутый жилой краулер; его разодранные тканевые навесы хлопали на ветру. Неподалеку лежали два тела: старая женщина и юноша — оба в пустынном снаряжении. Юноша — в потертом кожаном бронежилете и дыхательной маске, изображающей кричащее лицо горгоны. Он был мертв. Варко мог это сказать, даже не осматривая его. Тяжелое колесо продавило отвратительную колею по его груди. Женщина была облачена в темно-серые шелка и носила простую старинную противопылевую маску. На ней не было ни царапины. И только когда он подошел, чтобы проверить, жива ли она, то почувствовал, как холодно ее тело и как безвольно болтается голова.

В нескольких метрах дальше валялся в пыли большой темно-красный двухгусеничный мотоцикл: толстая передняя вилка согнута под безумным углом, гусеницы разбиты и порваны. Рядом на боку распростерся мужчина в грязном бронежилете и дыхательной маске, напоминающей голову пустынной ящерицы.

Варко присел рядом с ним. Мужчина шевельнулся. Левая рука у него была явно сломана, и Варко не мог с уверенностью сказать, какие еще повреждения тот получил.

— Позвольте, я вам помогу, — сказал он.

Мужчина шевельнулся снова и застонал.

— Сэр, я из Орестской Гордой. Я могу вам помочь, если вы мне позволите. У меня есть медкомплекты.

«Два, — подумал он. — Всего два. Мы едва можем чем-то поделиться. Зачем я это делаю?»

Мужчина прохрипел что-то. Он явно испытывал сильную боль.

— Я вас сейчас переверну, хорошо? Вы понимаете? Я сейчас вас переверну и осмотрю вашу руку.

Варко перевернул мужчину так аккуратно, как мог. Тот вскрикнул — крик из-за его дыхательной маски превратился в резкое, гортанное уханье

— Всё. Всё. Я сейчас наложу шину, и будет полегче. Можете сказать, вы ранены еще куда-нибудь?

Варко услышал резкий щелчок и почувствовал, как к затылку прижался кружок холодного металла.

— Оставь его.

Варко медленно поднял руки.

— Я просто пытаюсь ему помочь. Ты понимаешь меня? Я просто пытаюсь ему помочь.

Дуло по-прежнему вжималось ему в голову.

— Оставь его. Оставь моего па. Ты ему не нужен. Ты нам не нужен.

— Можно, я повернусь? — спросил Варко, не опуская рук. — Можно повернуться? Хорошо? Я поворачиваюсь.

Он переступил коленями, повернулся и обнаружил, что смотрит не с того конца на старый

мощный лазмушкет. Это было старинное оружие, с богатой резной фурнитурой и искусной гравировкой на металлических частях.

Целился из него юноша в бронежилете. Лицо его закрывала дыхательная маска в виде кокпита «Владыки войны».

Варко невольно рассмеялся.

— Ты что, — с улыбкой спросил он, — типа боевая машина?

Конец лазмушкета ткнул Варко в лицо и разбил об зубы верхнюю губу. Варко мявкнул и сплюнул кровь, двинув руками, чтобы схватиться за лицо.

— Руки не опускать! Подними, подними!

Варко снова сплюнул кровь. И поднял руки.

— Это твой отец? — спросил он, кивая на раненого рядом.

— Что, если так?

— Ему нужна помощь. Медицинская помощь. Ты можешь наладить шину? У него сломана левая рука. Я смогу ему помочь.

— Может, сможешь, а может, и нет. Ты кто такой?

— Эрик Варко. Капитан. Орестская Гордая шестая бронетанковая.

— Это мне ни о чем не говорит.

— Как твое имя? — спросил Варко.

— Руки. Держи выше!

— Я и так их держу выше. Как твое имя?

— Я не называю своего имени никому. И мой па тоже.

— Твоему па нужна помощь. Я смогу ему помочь.

Морда «машины» не двинулась.

— Ты дашь мне ему помочь? — спросил Варко, глядя вдоль длинного ствола мощного ружья.

— «Кентавр» готов к отправке, капитан, — доложил Саген, пробираясь обратно к Гектону и Леопальду.

— Хорошо, — ответил Гектон. — Помоги занести Кодера в задний отсек.

— А где капитан Варко? — спросил Саген, нагибаясь, чтобы взяться за ноги Кодера.

— Ушел вниз, в долину, — ответил Леопальд.

— Зачем?

Леопальд пожал плечами.

Саген вытащил оптику и приложил к глазам.

— Куда?

Гектон приблизительно указал. Он был занят, счищая кровь с губ и подбородка технопровидца.

Саген громко выругался.

— Что?

— Взгляните, — сказал Саген, передавая прибор Гектону. — Вон там внизу. Нет, за буровой. Видите?

— О Трон! — сказал Гектон. — Эрик, мы все из-за тебя сдохнем.

Сквозь занавес плавающей в воздухе пыли и дыма Гектон увидел то, что засек Саген: Эрика Варко, стоящего на коленях с поднятыми руками, лицом к туземному дикарю с энергетическим мушкетом.

— Тащи сюда карабин, — велел Гектон Сагену. — Бегом, солдат. Быстрее!

Он навел прибор обратно на своего старого друга.

— Ох, Варко, тупая ты скотина!

Кодер завозился.

— Капитан! — позвал Леопальд. — Технопровидец приходит в себя. Наверное...

Лежащий на спине Кодер открыл глаза. Они были налиты кровью, зрачки расширены. Потрескавшиеся губы приоткрылись. Кодер издал бессвязный поток изломанного кода и снова отключился.

Показалось, что ветер переменялся. Гектон поднялся на ноги и глянул на восток вдоль долины.

Троица «Псов войны» казалась далекими пятнышками, точками на горизонте.

Один развернулся. И полным ходом потопал обратно вдоль долины в их сторону.

— О нет, — пробормотал Гектон. — О Трон, у нас неприятности. Теперь у нас настоящие неприятности.

— Он услышал код, — буркнул Леопальд.

— Да, он прекрасно услышал этот чертов код! — ответил Гектон.

— Что будем делать? — спросил Леопальд.

— Саген, где этот карабин?! — взревел Гектон.

— Что будем делать, сэр? — повторил Леопальд, глядя на Гектона с паникой в глазах. — Мы не сможем с ним драться.

— Да, не сможем, — согласился Гектон.

«Пес войны» скакал по долине к ним — вот размером с зефириду, а вот уже с ворону, все ближе, ближе...

Саген прибежал от «Кентавра» и перебросил карабин Гектону. За Сагеном следовал Траск.

— Все прикиньтесь мертвыми, — приказал Гектон.

— Что?

— Залечь в укрытие и прикинуться мертвыми, ради Трона! И молитесь, чтобы это прокатило!

Гектон принялся спускаться вниз по склону, вспахивая ногами шлам.

Варко почувствовал, как затряслась земля. Мелкие камешки задрожали. Раненый туземец рядом с ним забормотал.

— Что-то приближается, — сказал Варко мальчишке с лазмушкетом. — Нужно спрятаться.

— Я тебе не верю.

— Так поверь своим глазам! — огрызнулся Варко, рискуя бросить взгляд через плечо. Сквозь пыль он увидел черный, отвратительный силуэт «Пса войны», скачущего по долине в их сторону. — Да фриг тебя, парень!

— Д-делай, как он говорит, Келл! — простонал раненый туземец. Трясущейся правой рукой — единственной, которая у него теперь работала, — он стянул дыхательную маску, открывая старческое лицо, испещренное морщинами от жизни в пустыне, и белые, похожие на моржовьи, впечатляюще густые усы. — Я не шучу, Келл! — повысил голос старик. В словах слышалась острая нотка боли.

Махиномордый продолжал целиться Варко в лицо.

— Па, это может быть трюком. Он может быть одним из них. Не верь никому — так вы с мамой нас учили.

— Мама умерла, — вздохнул старик, глядя на тело старой женщины в темно-серых шелках. На глазах у него выступили слезы. — О Шенна! И мой бедный Бекк тоже...

Махиномордый глянул на безвольное тело женщины. Лазмушкет начал опускаться.

Варко слышал, как за спиной топает «Пес войны», подходя все ближе. Камешки щелкали и подскакивали при каждом его шаге. По лужам масла и крови вокруг запульсировали круги.

— Это не трюк, — осторожно сказал он. — Нужно бежать и прятаться, или машина...

— Брось оружие! — заорал Гектон, выбегая из тучи пыли с поднятым карабином. — Брось! Быстро!

Махиномордый полуобернулся к нему, поворачивая лазмушкет.

— Не заставляй меня стрелять! — крикнул Гектон, наводя оружие с четкостью военной выучки. — Брось, я сказал!

— Брось, ради мамы, Келл, — задыхаясь, велел старик.

Махиномордый заколебался, потом отбросил лазмушкет в сторону.

— Видишь, как я каждый раз спасаю твою задницу, Эрик? — крикнул Гектон, подбегая и держа на прицеле махиномордого.

— Каждый раз, — признал Варко, чувствуя, как под ногами подпрыгивает земля. — Помоги мне отнести твоего па в укрытие. Шевелись!

— Нет на это времени! — крикнул Гектон. — Придется прикинуться мертвыми!

— Что? Грэм? Прикинуться мертвыми?

— Мертвыми, Эрик! Давайте, Трона ради! Мертвыми — все! Или мы отсюда живыми не уйдем!

Шагающий «Пес войны» был уже в пятистах метрах от них и быстро приближался.

— Лежите смирно, сэр. Не шевелитесь! — велел Варко старику.

Тот покорно скрючился, лежа на боку.

— Ты слышал? Прикинься мертвым! — заорал Варко на махиномордого.

— Но...

— Мертвым. Ты Келл, да? Прикинься мертвым, Келл.

— Нет, я...

Варко бросился на него и подмял парня под себя. Они рухнули в пыль. Варко сорвал маску «Владыки войны». И заглянул в лицо испуганной девушки не больше двадцати лет от роду. Варко удивленно моргнул.

— Не вставай. Лежи смирно, — велел он ей.

Прикрывая девушку своим телом, Варко оглянулся на Гектона.

— Грэм, ты тоже падай, дурак!

Грэм Гектон обернулся к нему и ухмыльнулся.

— О, не волнуйся. Лежи тихо и не вздумай дергаться.

«Пес войны» Архиврага замедлил свой громыхающий ход по дну долины и поднял морду, нюхая воздух. Он почувствовал всплеск кода — след трижды проклятых Механикус. Он внимательно осматривал разбросанные перед ним горящие обломки, считывая остывающие следы мертвых машин и еще более мертвой органики. Он впитал и изучил данные об остаточном тепловыделении, ища модифицированную органику, раскладывая мир на разнородную мешанину теплых красных и холодных синих пятен.

Он начал осторожно двигаться вперед на малом ходу, опустив голову ниже корпуса, с хрустом давя обломки. Варко слышал скрежет сминаемого металла и, что гораздо неприятнее, хруст костей.

Ауспик «Пса войны» послал импульс, ища источник кода. Варко почувствовал щекотку импульсной волны и ощутил, как затряслась девушка под ним, тоже почувствовав эту волну. Он слышал, как старик рядом подавил стон: его сломанные кости завибрировали.

Вокруг внезапно похолодало и стемнело: «Пес войны» навис прямо над ними, накрыв их своей тенью. Он сделал еще шаг, раздавив разбитый шагоход. Встал, покачиваясь на ногах вперед-назад, нерешительный и любопытный.

Вжимая лицо в пыль, Варко слышал гудение и перестук заряжающихся оружейных конечностей. Время словно ушло в гибернацию.

«Пес войны» сделал еще шаг. Снова послал импульс ауспика. Затем издал выманивающее приглашение на мусорном коде.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста», — молился Варко.

— Сюда, ты, кусок дерьма! — крикнул чей-то голос.

Варко слышал, как «Пес войны» развернул корпус, затем переступил ногами.

— Я здесь! — крикнул Гектон. — Здесь! Сюда!

Он выскочил из-под укрытия разбитого жилого краулера и припустил прочь.

— Я здесь, ты, сукин сын!

На бегу, не целясь, выстрелил в «Пса войны» из карабина. Снаряд размазался по пустотным щитам махины.

«Пес войны» заерзал, пытаясь отследить крошечного человечка, скачущего и перебегающего между обломками под ногами махины.

Гектон перескочил через смятый одноход, развернулся и выстрелил снова в возвышающуюся над ним махину.

— Давай! — заорал он вызывающе.

— Ох, Грэм!.. — придушенно пробормотал Варко. — Грэм, пожалуйста, не делай этого...

— Давай, ты, ублюдок! — дразнил Гектон. — Вот он я! Ты меня видишь? Вот он я!

Он переключил карабин на автоматический режим и принялся поливать выстрелами ноги и нижнюю часть шасси «Пса войны». Выстрелы отскакивали от щитов. Издав торжествующий вопль, Гектон снова бросился через обломки, пригибаясь и петляя из стороны в сторону со всей скоростью, на какую был способен.

Со скрежетом металла поршни сдвинулись, «Пес войны» резво повернулся и зашагал следом.

Убегая, подпрыгивая, перескакивая через обломки, уводя махину от Варко и жилого краулера, Грэм Гектон продолжал выкрикивать оскорбления через плечо шагающей за ним громадине. Время от времени он останавливался и стрелял — выстрелы хлопали по щитам, по огням кокпита, по панцирю.

— Давай, ты, ублюдок! Ты ж меня видишь? Видишь? Давай!

«Пес войны» ускорил шаг и начал настигать его, пробиваясь через разбитые машины.

— Сюда! Сюда! Вот он я! Ты что — тормоз? Вот он я, прямо тут!

«Пес войны» отозвался коротким возмущенным всплеском мусорного кода. Он надал, отпихивая с дороги обломки.

Гектон остановился между горящим десятиколесным грузовиком и смятым универсалом. Приставил к плечу карабин и поймал в прицел гигантскую машину, топающую к нему.

— А, наконец-то ты меня заметил! Молодец! Не спеши! Вот он я!

«Ох, Грэм! Ох, Грэм!..»

Гектон прицелился в надвигающегося «Пса войны» и надавил на спуск. Непрерывный поток лазерных разрядов пропорол воздух и забарабанил, отскакивая, по нижним пустотным щитам.

— Давай уже, ты, ублюдок! — заорал Гектон. — Чего ждешь?

«Пес войны» ничего не ждал.

Его левая орудийная конечность изрыгнула единственный лазерный импульс и превратила Грэма Гектона в пар. Когда тошнотворный дым рассеялся, осталось лишь воронка и несколько дымящихся костей.

«Пес войны» задумчиво помедлил, щелкая и стрекоча сам себе. Он ждал какого-нибудь движения.

Не заметив больше ничего, повернулся и зашагал вдоль долины на восток, вслед за своими кровожадными коллегами.

>

Краулер экзекутора, идущий впереди своего обширного эскорта, с грохотом вполз в Иеромиху, следуя за массированным наступлением Инвикты.

— Сейчас боевые действия направлены на запад, экзекутор? — спросила Этта.

— Слишком рано говорить, что мы обратили их в бегство, но весы клонятся в нашу сторону, мамзель, — ответил Крузий. Он изучал дисплеи мостика. Повернувшись, Крузий вызвал Лысенко: — Полный вперед, Лысенко. Машины нас перегоняют. Я этого не потерплю!

— Слушаюсь, экзекутор! — откликнулся тот.

Этта ощутила, как гул двигателя повысился на октаву.

— То, что мы видим, — победа, сэр? — спросила она.

Крузий улыбнулся ей своей бесподобной улыбкой.

— Несомненно.

Готч рядом с Эттой пробурчал что-то себе под нос.

— Вы чем-то хотели поделиться, майор? — спросил Крузий.

— Вовсе нет, сэр, — ответил Готч.

— Мой телохранитель просто высказывает мне свои личные наблюдения, экзекутор, — сказала она.

— Я думаю, ваш телохранитель забыл о тонкой настройке модифицированных ушей, мамзель, — сказал Крузий. Он замолчал, а затем воспроизвел через аугмиттер четкую запись голоса Готча: «Махинщики гоняются за собственными задницами по всему поселению!»

Этта метнула взгляд в Готча — майор стушевался.

— Мой телохранитель... — начала она.

Крузий поднял руку:

— Нет нужды объяснять, Этта.

— Прощу меня простить, сэр, — угрюмо произнес Готч.

— За что конкретно? — поинтересовался Крузий.

— За то, что... сомневался в результативности ваших войск, сэр.

Крузий почесал пальцем за правым ухом, нахмурившись.

— Я понял, — сказал он. — Я понял. Впечатление от этой войны определяется двумя несовместимыми элементами: общественным настроением и реальными выигрышем в боевых потерях. Не буду вас обманывать, Этта. И могу сказать: никогда не обманывал. Орест по-прежнему находится на грани. Инвикта добилась нескольких серьезных побед... Подгоксовый Край, Ступени Титанов... но эта война еще далека от завершения. Готч это понимает. Не так ли, майор?

— Думаю, да, сэр, — ответил Готч.

— Мы должны держать улы довольными, Этта. Мы должны слать туда добрые вести. Добрые вести не всегда могут быть полной правдой.

— Я не так глупа, экзекутор, — ответила она. — Я понимаю, как работают связи с общественностью.

— Конечно. И данные, которые вы отправляете лорду-губернатору, должны быть гораздо более горькими и точными, не так ли?

— Так.

— Я знаю, что так. Лорд-губернатор имеет право знать, как в действительности обстоят дела.

— Вы перехватывали мои сообщения, экзекутор? — спросила Этта.

Крузий прервался и улыбнулся:

— А вы хоть на секунду сомневались в обратном?

— Нет, — ответила она, улыбаясь вопреки своему возмущению.

Крузий пожал плечами:

— Вот голые и беспристрастные факты. То, чего мы не говорим жителям ульев. Мы разбили врага у Подгоксового Края и в Иеромихе. Мы добились множественных убийств махин взамен малых потерь со своей стороны. Инвикта лишила их наступление движущей силы.

— Но?

— А должно быть это «но», Этта?

— Всегда, я считаю, экзекутор.

Крузий кивнул.

— Но... они ведут свои войска вокруг Аргентума, и орбитальная слежка показывает, что их части лезут вокруг Гинекса и выше через рабочие поселения. Эта война стала равной, но она еще не выиграна. Должен сказать, меня тревожат промахи орбитальной слежки. Неважно. К

завтрашнему рассвету главный удар махин Инвикты будет нанесен по рабочим поселениям за Аргентумом. Милостью Императора, мы сокрушим там мощь врага.

— Что вас тревожит, экзекутор? — спросила Этта.

— Простите?

— Я спросила, экзекутор, что вас тревожит? Что там с орбитальной слежкой?

— Ничего серьезного.

— И все же расскажите.

Крузий заколебался.

— Флот испытывает трудности слежения за поверхностью здесь и здесь. — Он указал районы на подсвеченном гололитическом столе.

— Западная проспекция? — спросила она.

— Мне сказали, что это остаточные явления после бури. Прошлой ночью там была большая буря.

— Да, над Астроблемой. Я сама следила за метеорологическим сканированием. Ну а на северо-западе?

— Вторичный грозовой фронт, как полагает флот. Этот фронт на данный момент блокирует наше сканирование.

— Он существенен?

— Нет.

— Он природного свойства, экзекутор?

— Конечно. Должен быть. Поверьте мне, к рассвету мы выйдем из врага дух и обратим вспять.

>

— Где эти материалы были обнаружены? — спросил адепт сеньорус.

— Мой персонал наткнулся на них случайно, сэр, — ответил Файст. — При общем осмотре инкапсулированных данных мы...

— Помолчи, Файст, — велел Иган.

Файст умолк и стал дожидаться, пока адепт сеньорус закончит просмотр данных, которые проецировал перед ним гололит. Сам он, даже закончив, он не мог оторвать глаз от светящегося на проекции текста.

— Ты хоть представляешь себе последствия этого? — спросил он.

— Да, сэр. Я полагаю...

— Опять. Ты помолчишь, Файст? — сказал Иган. — Адепт сеньорус обращался ко мне. Да, милорд, я понимаю его значимость, но...

— Собственно говоря, Иган, я обращался к этому юноше. Файст, верно?

— Да, сэр.

Адепт сеньорус передвинулся, чтобы посмотреть на Файста.

— Данные, что ты предоставил мне: что ты знаешь о них?

Файст прочистил горло, осознавая, что Иган буравит его глазами.

— Да, сэр.

Адепт сеньорус передвинулся, чтобы посмотреть на Файста.

— Данные, что ты предоставил мне: что ты знаешь о них?

Файст прочистил горло, осознавая, что Иган буравит его глазами.

— Это старый документ, сэр. Очень старый документ...

— Более десяти тысяч лет, Файст. Продолжай.

— Его суть претендует на доказательство, которое подтверждает взгляд Ореста на Омниссию, сэр.

Адепт сеньорус улыбнулся Игану.

— «Претендует», Иган. Послушай, как молодой человек формулирует.

— Адепт Файст — настоящий пример строгости формулировок, сэр, — отозвался Иган.

Адепт сеньорус обратился вновь к проекции.

— Это ересь. Ересь из времен, когда это слово еще ничего не значило. Этот текст отрицает Его святость.

Файст поежился. Он никогда не слышал, чтобы короткое слово «его» несло столь ошеломляющую силу.

— Это... — начал Иган. — Это чудовищно.

— Да, старина, — кивнул адепт сеньорус. — Это действительно чудовищно.

В личных покоях адепта сеньорус было невыносимо жарко, но Файст понял, что дрожит. Он, как наяву, ощущал неторопливый ход ледника истории, творящейся прямо сейчас. Он быстро подстроил свою биологию и взял запаниковавший метаболизм под контроль. Сейчас нужны ясная голова и спокойное сердце.

— Это текст, — сказал он, — в сущности, единым махом разрешает причину Схизмы. Он проливает свет на вопросы, над которыми Механикус спорили десять тысячелетий.

— Это если он подлинный, — предупредил Иган.

— Магос, — уверенно ответил Файст, — все, что мы на данный момент извлекли из секвестированных хранилищ, оказалось на поверку в высшей степени подлинным. Мы проверили данные в боях махин, и ни единый фрагмент не подвел.

Иган покачал головой.

— Она ошибочна, — сказал он. — Даже несмотря на все мое желание, чтобы она оказалась достоверной, окончательной, — она ошибочна.

Адепт сеньорус покачал головой:

— Она просто старая, Иган.

Он поднялся на ноги. Файст тут же выступил вперед, чтобы поддержать старика. Соломан Имануал оперся на предложенную руку, с признательностью по ней похлопал и вздохнул.

— Мы сами навлекли на себя беду, — задумчиво произнес он. — Мы сами навлекли на себя беду, когда открыли секвестированные хранилища. — Он глянул в сторону Файста: — Я не виню тебя, мальчик. Это было умное предложение и принесшее войне неизмеримую пользу. Но то, что я прочел за несколько последних дней... Иган принес мне посмотреть несколько настоящих книг. Да, Иган?

Файст глянул на начальника. Иган смутился.

— Я полагал, что они развлекут вас, адепт сеньорус.

— Развлекут меня, он говорит, — рассмеялся Имануал. — Ты принес их мне потому, что не знал, что с ними делать и кому показать.

— Это правда, магос? — спросил Файст Игана. — Вы выносили материалы прямо из архивов, не дав нам их сначала осмотреть?

Иган открыл рот, затем, не сказав ни слова, пожал плечами.

— Не волнуйся, Файст. Там не было ничего особенно тактически ценного, — сказал адепт сеньорус. — Я их внимательно изучил.

— О чем они были, могу я спросить, сэр? — спросил айст.

— Другие труды, наподобие этого, — ответил Имануал, показывая на проекцию дендритом. — Древние благовесты, горькие истины. Большею частью слишком неудобные, чтобы о них думать.

Он замолк.

— Где они сейчас, сэр? — спросил Файст.

— Я приказал их уничтожить. О, не надо так переживать, Файст. А ты бы с ними что сделал?

Файст моргнул. Ответить было нечего.

Взгляд Имануала стал прищуренным и хитрым.

— В точности так, адепт. Ничего. Молчание. Духи машин, как бы мне хотелось, чтобы я нашел и эту тоже и стер ее прежде... прежде чем дошло до этого.

— Но, со всем уважением, сэр, — сказал Файст, — эти материалы так важны для понимания нашего места в галактике. Они дают Механикус определенность. Они дают нам доказательство, которое мы столько искали. Их нельзя секвестировать и нельзя подвергать цензуре или уничтожать.

Имануал снова похлопал Файста по руке:

— Такой упорный, такой молодой. Так стремится отстаивать правду любой ценой. Ты подумал о цене, Файст?

Файст помедлил в нерешительности.

— Могут быть, конечно, последствия, сэр, но...

— Последствия, он говорит. Последствия! — аугмиттеры Соломана Имануала издали чудной электронный хохот. — Мы спорим над Схизмой, дискутируем и строим гипотезы. Некоторые Кузницы, такие как наша, верят в одно. Другие частицы нашей великой империи, такие как Инвикта, насколько я знаю, верят в другое. Эти гипотезы, эти противоположные верования допускаются во благо свободы мысли. Но, Файст, мой дорогой адепт Файст, на счастье или на беду, Механикус — неотделимая часть огромного и древнего сообщества. Механикус и Имperiум так долго росли вместе, что мы стали целиком полагаться друг на друга и наше единство зиждется на безоговорочном соглашении, что Бог-Император Человечества есть также и Омниссия Механикус. Что, ты думаешь, случится, адепт Файст, если мы объявим это ложью?

Файст открыл рот, затем опять закрыл.

— Имperiум стар и дряхл, — тихо произнес Иган, — и со всех сторон окружен алчущими врагами. Подобная правда вобьет клин в его основание, и он рухнет окончательно. Единство Механикус и Имperiума будет разрушено.

— И ни один не сможет выжить в одиночку, — прошептал Файст.

— И ни один не сможет выжить в одиночку, — эхом откликнулся Соломан Имануал. — В точности так. Ты понял, Файст. Правда — прекрасная вещь, но она убьет нас. Неудивительно, что мы секвестировали эти материалы. Они слишком яркие, чтобы смотреть на них невооруженным глазом.

— Прогноз: что нам делать, сэр? — спросил Иган.

— Вычистить эти материалы, Иган.

— Нельзя! — воскликнул Файст.

— Мы должны, адепт, ради нашего выживания. — Адепт сеньорус уселся обратно на свое место. — Смотри, Файст. Я делаю зашифрованную копию. Я отправлю ее на Марс. Ты прав, это слишком ценно, чтобы стереть. Пойми, Марс секвестирует ее. В будущем, возможно, она будет полезной. Но сейчас она слишком опасна для чьих бы то ни было глаз. Кто ее видел?

— Файст показал ее мне, — сказал Иган.

— Адепт Лунос нашла ее первой, — сказал Файст.

— Вы с ней поговорили?

— Нет, сэр.

— Предупредите эту Лунос, Иган. Заставьте ее понять. Если не захочет, сотрите ее непосредственные входы и буферы.

— Слушаюсь, милорд.

Соломан Имануал мрачно глянул на них:

— Иган. Файст. Я прошу вас обоих забыть, что вы ее когда-нибудь видели. Я собираюсь ее удалить прямо сейчас и...

Он умолк. Все трое ощутили ураган данных, внезапно захлестнувших ноосферу.

— Кто-нибудь, объясните мне этот неподобающий переполох, — потребовал адепт сеньорус.

Файст уже искал и просматривал, используя гаптические прикосновения, прочесывал большие объемы данных, затопивших все области ноосферы. Через четыре и три десятые секунды он нашел источник сигналов.

— Она обнародована, — произнес он.

— Что? — спросил Иган холодно и настороженно.

— Материалы разошлись по ноосфере. Все страницы, все спецификации. Кто-то слил их.

— Святый Омниссия! — пробормотал адепт сеньорус. — Сейчас на наших руках будет мать всех паник.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/660660>